

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Бурные споры последнего времени относительно преподавания истории, сохранения исторических памятников, отношения к историческим деятелям давнего и не столь давнего прошлого, оценки содержания художественных произведений, затрагивающих исторические события, стилистики празднования знаменательных и памятных дат не случайны хотя бы по той причине, что все эти темы связаны с исторической памятью — важнейшим фактором консолидации социума, формирования культурной и гражданской идентичности каждого из его членов. В этом плане история, историческая память выступают социально-политическим институтом, реализуемым в различных формах и различными социально-культурными технологиями: от образования, исторической науки и искусства — до массовых праздников и средств массовой информации.

Особое значение сказанное имеет применительно к современному российскому обществу, с его поисками самоопределения, позиционирования в современном мире, а главное — собственного внутреннего самоопределения, формирование которого невозможно без осмысления исторического прошлого. Проблема осложняется еще и тем, что речь идет не просто об исторических фактах, «белых» или «черных» пятнах в отечественной истории, а о выборе тех фактов, которые представляются важнейшими, существенными для понимания настоящего, а главное — перспектив развития общества, фактически — того символического наследия, без которого невозможно построение будущего, которое важно для выявления и понимания перспектив этого будущего.

Тем самым проблема исторической памяти предстает как предмет символической политики. Политика как деятельность, связанная с формированием, удержанием, передачей власти, обеспечивающая целостность социума, внутренние и внешние условия его существования и развития, в наше время в изрядной степени предполагает активное использование символических ресурсов. Идеи «мягкой силы» (soft power, smart power)¹, «символической политики» (как symbolic politics, так и symbolic policy)², «символической власти»³ не только активно обсуждаются, осмысляются, но и, что самое главное, активно используются в решении политических задач различного уровня, включая реформы и революции, гражданские и межгосударственные конфликты.

Идея символической политики, как и другие, примыкающие к ней упомянутые концепции, открывает более широкий горизонт анализа,

чем доминирующая в «нормальной» (в смысле Т. Куна) политической науке концепция рационального выбора, восходящая к экономической социологии маржиналистского толка. А без подобного расширения горизонта политической анализ сталкивается с серьезными проблемами в объяснении и прогнозировании развития современного общества, что особенно видно на примере современной России⁴.

Как писал М. Эдельман — один из критиков редукционизма парадигмы рационального выбора — она сводит политические отношения к якобы «очевидным» интересам, что с очевидностью не соответствует реальным практикам. Правящие элиты не только и не столько реализуют интересы граждан, сколько формируют восприятие и понимание ими реальности, фактически формируя ожидания, надежды, опасения и другие интересы и запросы⁵. Более того — саму политику можно и следует изучать как «символическую форму»⁶.

Политическая консолидация социума происходит не столько в результате реализации принятых решений, сколько в процессе их принятия. Именно рациональная и главное — эмоциональная сопричастность этим решениям, их поддержка — консолидируют социум, формируют политическую идентичность, сторонников и т.п. При этом результаты реализации решений приводят к тому, что именно сторонники политических действий могут оказаться в числе проигравших, потому что в итоге выгоды достаются совсем другим группам⁷. Отличным примером такой ситуации являются итоги советской «перестройки» 1980-х, когда наиболее проигравшими в итоге оказались именно массово поддерживавшие ее группы населения: учителя, ученые, врачи, студенты.

Согласно П. Бурдьё, символическая власть — это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира». Тем самым она предстает как «воздействие на мир, а значит, сам мир»⁸. Правящий политический класс не ограничивается формированием символической политики как некоего идеологического конструктора. Он сам действует в рамках задаваемых представлений, приоритетов, целей. Поэтому символическая политика не ограничивается манипулятивными технологиями выстраивания смысловых комплексов — она предстает как социальная инженерия конструирования реальности⁹, которую Дж. Лакофф связывает с когнитивным рефреймингом¹⁰.

Человеку свойственно (и это отличает его от животного мира) строить свое поведение не только генетически определено, но и на основе осмысления и реконструкции прошлого, а также чаяний, надежд, образов будущего. Эти представления обобщаются в неких символах, образах, мифах, предопределяющих даже чувственные восприятия и ощущения. Это делает возможным абстрагирование,

категоризацию, позволяет строить сложные рассуждения, планировать действия, поступки¹¹.

Обычно символическая политика понимается как деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование¹². В этом плане символическая политика предстает не только как выстраивание приоритетов в балансе интересов социальных сил, но и как выстраивание картины мира в головах носителей этих интересов и сценариев их поведения. И современные технологии массовых коммуникаций дают для этого мощные инструменты.

Речь идет о широком наборе технологий и инструментов: традиционные и новые СМИ, дискурсивные практики, идеи, образы, нарративы, знаки, изображения, брендинг (стран, регионов, лидеров, программ, проектов)¹³, специальные события (праздники, церемонии, конкурсы, фестивали, выставки, соревнования и т.п.)¹⁴. Даже экономика все в большей степени предстает как производство и потребление знаков, символов — не только брендов, но маркетингованных симулякров¹⁵. Собственно любые (если не все!) феномены социальной реальности (тексты, изображения, личности, природные катаклизмы etc., etc.) могут выступать инструментами символической политики при двух условиях.

Они становятся предметом интерпретации в публичном коммуникативном пространстве. Вне публичного пространства они могут быть предметом спецопераций, кулуарных действий, которые, впрочем, в случае огласки тоже становятся инструментом символической политики.

В этих интерпретациях они связываются с современным контекстом (проблемами, целями). В этом плане прошлое, образы будущего тоже становятся средством символической политики. Вне контекста настоящего они оказываются исследованиями, проектированием. Впрочем, лишить их актуального контекста также весьма сложно.

Функционал символической политики важен и широк. Прежде всего, это задание системы социальной мифологии, позволяющей ориентироваться в социальной реальности, категоризация этой реальности, обеспечивая «ага-узнавание». Тем самым обеспечивается не только узнавание, но и понимание, объяснение происходящего. На основе этого общего понимания формируется как консолидация социума, так и идентичность индивидов (их принадлежность и сопричастность социуму).

Важно и то, что концепты и технологии символической политики, осуществляемой посредством массовых публичных коммуникаций, не только обеспечивают влияние, «мягкую силу», они также открывают теоретические возможности, дают новые инструменты анализа социальной реальности в конфликтологии, прикладной политологии,

социологии и социальной психологии. Более того, эти исследования (модели, аналитики, опросы, статистические данные, их обработка и т.д.) сами, в свою очередь становятся компонентами символической политики, потому что предлагают определенные интерпретации, объяснения социальной реальности. Особую роль при этом играет их включение в медийное пространство.

Ярким примером такой технологии, предстающей одновременно и как теоретическая модель интерпретации, являются «информационные (смысловые) войны»¹⁶. Ранее было проведено сопоставление известных толкований таких терминов, как «информационная война», «политическая манипуляция», «пропаганда», «слухи», «идеологическая диверсия», «психологическая война»¹⁷. Если однонаправленные информационные атаки, действия типа пропаганды, манипуляции и слухов имеют целью формирование убеждений, мнений, то смысловые информационные войны второго рода преследуют кратковременные практические цели, стимулируя определенные действия, необходимые для решения конкретной проблемы. Специфика таких «войн» в том, что нельзя однозначно идентифицировать их акторов, их мотивацию, полученные результаты. При желании за любой новостью, за любым событием можно проследить мотивационную цепочку, «коварный замысел», который можно приписать неким «врагам».

Социально-политическая реальность является результатом взаимодействия, столкновения, конкуренции таких проектов и кампаний. Именно это имеется в виду, когда историю понимают как «равнодействующую волю». Тем не менее акторы «информационных войн» во многом оказываются продуктами интерпретаций, дискурсивных практик, которые, в свою очередь, тоже могут рассматриваться как «информационные войны». Тем самым, сам феномен информационной войны переводится не то что в дискурсивную практику мифотворчества, а в игру ума аналитиков и политтехнологов — кто кого «переинтерпретирует». Это не только и не столько собственно осуществляемые взаимные информационные, пропагандистские и манипулятивные атаки, сколько именно *конфликт интерпретаций* этих действий. Интерпретаций, в которых (и за которыми) обозначаются противоборствующие стороны, инициаторы этих атак, а также их мотивация, стоящие за ними интересы.

В плане наличия мотивации акторов к воздействию на адресатов символическая политика может трактоваться как манипулирование общественным сознанием. Правда, в случаях не состоявшейся или не успешной манипуляции, а также в случае ее разоблачения, манипуляция перестает быть таковой и становится предметом анализа. И в этом «лишенном манипулятивности» качестве она может стать предметом символической политики — опять же, при соблюдении указанных выше условий **А** и **В**.

С этой точки зрения особый интерес представляет такой фактор исторической памяти, как геноцид — чрезвычайно острая тема, о которой трудно, а наверное и невозможно говорить бесстрастно, тем более, что это отнюдь не просто тема исторической памяти, не только история. Это и отчаянная борьба за признание исторических фактов, их интерпретацию, осмысление и переосмысление. При этом важно понимать, что в объяснении этого чудовищного явления главное — понять, что геноцид — не просто насилие, и даже не просто массовые убийства. В геноциде главное — его мотивация, оправдание этих действий, имеющих целью уничтожение целого народа, стирание его с лица земли, лишение возможности жить, любить, рожать детей, продолжать культуру... Другими словами, геноцид начинается, коренится в определенном состоянии общественного сознания, находящего нравственные основания для массового уничтожения людей потому, что они не просто «какие-то не такие», а заслуживают быть вычеркнутыми из жизни, из истории человеческого рода.

В этой связи нельзя не признать, что геноцид — это проявление слабости, обвинение других в своих собственных бедах и проблемах, возложение на них ответственности за эти проблемы. Именно поэтому геноцид столь привлекателен для безответственных политиков, склонных к пропагандистской манипуляции. Как говорил Й. Геббельс, пропаганда — это когда широким массам предлагаются простые ответы на сложные вопросы. А что может быть проще обвинения в своих проблемах некоего злокозненного врага, указание на него и призыва к его уничтожению?! Это слишком большое искушение, чтобы властолюбцы отказывались от него.

Дело еще и в том, что источником этой мотивации является не просто злая воля безответственных политиков. Их пропагандистские приемы находят благодарный отклик по одной простой причине — они отвечают на существующий массовый запрос на эти «простые ответы на сложные вопросы». Аргументы и призывы ложатся в благодатную почву, чтобы прорасти массовым одобрением геноцида и даже массовым участием в нем, как это было с массовым участием в «акциях» по уничтожению евреев в Восточной Европе, или с участием курдов в этнических чистках армян в Турции и Ираке.

Итак, (1) — питательной средой геноцида является массовое недовольство положением дел. Это недовольство направляется в определенное русло с помощью (2) — формирования образа Врага, виновного в этих бедах. Подпиткой ненависти к этому Врагу является (3) демонстрация его «злодеяний», фактов и жертв этих «злодеяний» посредством привлечения внимания широкой общественности к специфически интерпретированным реальным событиям или организованным провокациям и прочим special events. И тогда дело остается за малым — (4) спусковым крючком, запуском геноцида

становится призыв к массовому насилию, (5) — сами акты насилия, совершаемые при (6) — попустительстве, поддержке или при прямой организации органами власти.

Именно эти шесть условий образуют комплекс причин геноцида, своевременное разоблачение каждого из которых может рассматриваться как профилактика и предупреждение практики геноцида: (1) — указание реальных причин сложившегося положения дел; (2) — разоблачение слабости власти и пропаганды, сводящей весь комплекс причин недовольства, фокусирующей его на конкретной, но обезличенной общности «врагов»; (3) — объективное расследование конкретных причин трагедий; (4) — разоблачение провокационных призывов, их возможных последствий; (5) — пресечение актов насилия; (6) — демонстрация и реализация властной воли по пресечению насилия и наказанию его инициаторов.

Реализованный геноцид играет особую роль в исторической памяти его жертв. Это не только глубокая травма конкретного социума, но и мощный фактор формирования национального самосознания. Парадоксально, но механизм действия этого фактора фактически тот же. Прежде всего, это — образ Большого Врага, осуществлявшего попытки уничтожения данного народа. Ничто так не консолидирует социум как наличие общей опасности и противостояние общему врагу — внешнему или внутреннему. Безопасность — базовая ценность социогенеза, лежащая в основе формирования любой общности: вместе легче противостоять опасностям, неопределенности, фобиям... Особую роль играют Герои, противостоящие Врагу, являющие примеры победительности. Не меньшую роль в формировании осознания общности и принадлежности к этой общности (идентичности с нею) является и образ Великой Жертвы, героев как безвинных жертв злодеяний Врага. В этой связи можно говорить о геноциде как мощном факторе этнической и национальной идентичности.

Так, очевидно, именно наличие геноцида в исторической памяти армянского и еврейского народов объясняют феномен этих народов, прошедших через многие столетия, сохранив свою культуру и идентичность. А поскольку эти народы имели государственность, и потеряв ее (в том числе и в результате неоднократного геноцида), смогли ее вновь обрести уже в Новейшее время, можно говорить об их многовековой национальной идентичности. Можно предположить, что многовековые преследования цыган также сыграли свою роль в сохранении этого народа и формировании соответствующей этнической идентичности.

Более того, можно привести примеры попыток апелляции к отмеченной роли геноцида. Так, политическая элита курдского социума в борьбе за собственную государственность активно апеллирует к злодеяниям Врага в лице турецких и иракских властей. Арабское

население Палестины, испытывая многолетние проблемы с формированием государственности, отчаянно пытается привлечь всеобщее внимание к злодеяниям Израиля, культивируя уже не в одном поколении палестинцев образ Великого Врага и интерпретируя любые меры по пресечению собственного насилия как злодеяния этого врага. Показательна и ситуация в Украине, вступившей в решающую фазу буржуазной национальной революции и испытывающей серьезнейшие экономические проблемы. Образ Врага в лице России и русских был сформирован за считанные месяцы. Правда, следует признать, что некоторые действия России весьма способствовали этому. А в качестве исторической памяти геноцида активно используется и даже культивируется «голодомор» 1930-х. Аргументы, что инициированные сталинской верхушкой действия, приведшие к массовым голодным смертям, унесли многие жизни не только украинцев, но и русских, татар, евреев и захватили также другие регионы страны, отбрасываются и замалчиваются.

Возможно, роль геноцида в исторической памяти как эффективного средства формирования национального самосознания объясняет и некоторые проблемы с формированием российского самосознания и идентичности. Так, образ Великого врага в отечественной истории носит «блуждающий», нефокусированный характер. Более того, вчерашний враг неоднократно становился другом, и наоборот. В образе такого «друга-врага» побывали Германия, Франция, Австрия, Англия, США, евреи, «лица кавказской национальности»... Проблема и с Великой Жертвой. Точнее, сама эта Жертва была, и неоднократно... Татаро-монгольское иго — это жертва, принесенная во имя защиты европейских народов. Или это был синтез Руси и Орды?

Большевистская революция, Гражданская война, советский эксперимент, сталинский террор — Великая жертва. Но и тут возникают проблемы с ее осмыслением: во имя чего и кому она принесена?

Проведенное рассмотрение отнюдь не уравнивает жертв и инициаторов геноцида. Одно дело — пережитый геноцид. И другое — инициированный — пусть даже и в целях консолидации нации. Главный урок геноцида совпадает с главным уроком истории — цель не может оправдывать средства. Цели сами по себе не подсудны — никто не желает зла, все стремятся к добру. Подсудны используемые средства. Построить собственное счастье на могилах тысяч и миллионов людей невозможно. Неспроста акты публичных покаяний, извинений, принесенных руководителями Германии, Польши, Литвы стали актами политической ответственности. Мир изменился. Решать проблемы одного народа за счет захвата территорий, вытеснения, переселений других народов, этнических чисток становится все труднее, если вообще возможно.

Еще одним итогом проведенного рассмотрения является возникновение задачи понимания причин геноцида, осознание опасности безответственных квалификаций и призывов, выработка общественного иммунитета по отношению к ним. А главное – понимание ответственности – не только политиков, но и историков, других гуманитариев, деятелей культуры и искусства, журналистов.

Тесная взаимосвязь и даже взаимодополнительность массовых публичных коммуникаций и символической политики создают качественно новый характер современной цивилизации, предстающей как насыщенное и даже перенасыщенное символическое пространство. Это пространство имманентно и самодостаточно¹⁹. В этой ситуации поиск нового опыта, трансцендирование в иное заменяются фрактализацией настоящего и прошлого. Утрачивается образ будущего. Более того, возникает тревога за будущее, его нежелание, страх перед ним. Место научной фантастики заняло фэнтези с его средневековой стилистикой. Характерна ситуация в искусстве, в котором на первый план вышли сиквелы, приквелы, пародии, когда происходит накопление разнообразия без приращения нового.

Лавинообразный рост интерпретаций интерпретаций интерпретаций даже порождает идеи жесткой регламентации символов²⁰. Введение символической регламентации вряд ли поможет, но возрождение интереса к религии (как в традиционных формах, так и в альтернативных) – явление именно этого порядка. Однако анализ символического пространства общества в ситуации постсекулярности уже выходит за рамки данного рассмотрения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Nye J.S., Jr. The Powers to Lead.* – N. Y.: Oxford University Press, 2008; *Nye J.S., Jr. Soft Power: The means to Success in World Politics.* – N. Y.: Public Affairs, Perseus books Group, 2004.

² См.: *Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика. Вып.1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс.* – М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 5 – 16; *Поцелуев С.П. «Символическая политика» к истории концепта // Символическая политика. Вып.1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс.* – М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 21 – 34.

³ См.: *Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко.* – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.

⁴ См.: *Тульчинский Г.Л. Политические трансформации в России и современная политическая наука // Неприкосновенный запас. 2014. № 98 (6/2014). С. 95 – 112.*

⁵ См.: *Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence.* – Chicago: Markham publishing company, 1971. P. 7 – 8.

⁶ *Edelman M. The symbolic uses of politics.* – Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. P. 2.

⁷ *Edelman M. Politics as symbolic action. P. 4.*

⁸ *Бурдые П. Социология социального пространства. С. 95.*

⁹ См.: *Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.* – М.: Academia; Медиум, 1995.

¹⁰ См.: Lakoff G. *The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics.* – N. Y. etc., 2009; Lakoff G. *Thinking points: Communicating our American values and vision.* Lakoff G. *Thinking points: Communicating our American Values and Vision.* – N. Y., 2006.

¹¹ Edelman M. *Politics as symbolic action.* P. 33 – 35.

¹² См.: Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля; Поцелуев С.П. «Символическая политика» как истории концепта; Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О.Ю. Малиновой. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2011; Киселев К.В. Символическая политика: власть vs. общество. – Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006.

¹³ См.: Тульчинский Г.Л. *Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре.* – СПб.: СПбГУ, 2013.

¹⁴ См.: Герасимов С.В., Лохина Т.Е., Тульчинский Г.Л. *Менеджмент специальных событий.* – СПб.: Лань, 2010.

¹⁵ Мосейчик Г.И. Экономика семиотики как экономика пороков и добродетелей эпохи постмодерна // Экономика пороков и добродетелей. – СПб.: СПбГУ, 2015. С. 68 – 69.

¹⁶ См.: Бухарин С.Н. *Методы и технологии информационных войн.* – М.: Академический проект, 2007; Власенко И.С., Кирьянов М.В. *Информационная война: искажение реальности.* – М.: Канцлер, 2011; Волконский Н.Л. *История информационных войн.* В 2 т. / под ред. И. Петровой. – СПб.: Полигон, 2003.

¹⁷ Глазунова С.М., Тульчинский Г.Л. Парадоксальность «информационных войн» как репрезентации конфликтов в современном обществе: в поисках «постинформационного Третьего» // Модернизация как управляемый конфликт. – М.: Ключ-С, 2012. С. 333 – 338; Tulchinskii G. *Information wars as a conflict of interpretations: activating the 'third party'* // Russian Journal of Communication. 2013. Vol. 5. № 3. P. 244 – 251.

¹⁸ См.: Тульчинский Г.Л. Современность: имманентность и поиски трансценденции // Философские науки. 2013. № 5. С. 56 – 67.

¹⁹ Симицын А. Сакральный регламент // Ведомости. 2015. № 3823. С. 1 – 6.

REFERENCES

Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge.* Moscow, Academia; Medium, 1995 (trans. in Russian).

Bourdieu P. *Sociology of the social space.* St. Petersburg, Aleteja, 2007 (trans. in Russian).

Bukharin S.N. *Methods and technologies of information wars.* Moscow, Academical project, 2007 (in Russian).

Edelman M. *Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence.* Chicago, Markham publishing company, 1971.

Edelman M. *The symbolic uses of politics.* Urbana, Univ. of Illinois press, 1964.

Gerasimov S.V., Likhina T.E., Tulchinskii G.L. *Management of special events.* St. Petersburg: Lan, 2010 (in Russian).

Glazunova S.M., Tulchinskii G.L. The paradox of “information wars” as a representation of conflicts in modern society: in search of the “Third party”. *Modernization as a controlled conflict.* Moscow, Kljuch-C, 2012, pp. 333-338 (in Russian).

Kisselev K.V. *Symbolic politics: power vs. society.* Ekaterinburg, Diskurs-Pi, 2006 (in Russian).

Lakoff G. *The political mind: A cognitive scientist's guide to your brain and its politics.* New York etc., 2009.

Lakoff G. *Thinking points: Communicating our American values and vision.* New York, 2006.

Malinova O.J. *Symbolic politics: контуры проблемного поля. Symbolic politics.* Vol. 1. Moscow, INION RAS, 2012, pp. 5-16 (in Russian).

Nye J.S., Jr. *Soft Power: The means to Success in World Politics.* New York, Public Affairs, Perseus books Group, 2004.

- Nye J.S., Jr. *The Powers to Lead*. New York, Oxford University Press, 2008.
- Potselujev S.P. "Symbolic politics": for the history of the concept. *Symbolic politics*. Vol. 1. Moscow: INION RAS, 2012, pp. 21-34 (in Russian).
- Sinytsyn A. Sacred rules. *Vedomosti*. 2015. No 3823, pp. 1-6 (in Russian).
- The ideological and symbolic space of post-Soviet Russia: dynamics, institutional environment, actors. O.J. Malinova (ed.). Moscow: ROSSPAN, 2011 (in Russian).
- Tulchinskii G.L. Modernity: immanence and transcendence searches. *Philosophical sciences*. 2013. No 5, pp. 56-67 (in Russian).
- Tulchinskii G.L. Political transformations in Russia and contemporary political science. *Neprikosnennyj zapas* [Emergency ration]. 2014. No 98 (6/2014), pp. 95-112 (in Russian).
- Tulchinskii G.L. *Total Branding: mythodesign of postinformational society. Brands and their role in the contemporary business and culture*. St. Petersburg, St. Petersburgian State University Press, 2013 (in Russian).
- Tulchinskii G. Information wars as a conflict of interpretations: activating the 'third party'. *Russian Journal of Communication*. 2013. Vol. 5. No 3, pp. 244-251.
- Vlasenko I.S., Kirjanov M.V. *Information war: the distortion of reality*. Moscow, Kanzler, 2011.
- Volkonskii N.L. *History of information wars*. St. Petersburg, Polygon, 2003 (in Russian).

Аннотация

В статье рассматриваются роли исторической памяти в консолидации социума как предмета символической политики. Автор формулирует условия, при которых феномены социальной жизни выступают как предметы символической политики. Предложена систематизация коммуникативных технологий и инструментов символической политики. Предметом специального рассмотрения является геноцид в исторической памяти и информационных войнах.

Ключевые слова: информационные войны, историческая память, мягкая сила, символическая политика.

Summary

The article examines the role of historical memory for the consolidation of society, as a matter of symbolic politics. The author formulates the conditions under which the phenomena of social life are the objects for the symbolic politics. There is a systematization of communication technologies and tools for symbolic politics. The special case is a genocide in historical memory and information wars.

Keywords: historical memory, information wars, soft power, symbolic politics.